

Уединение как одна из социальных потребностей раннего юношеского возраста

Уединение как один из феноменов раннего юношеского возраста отмечался многими исследователями. Н.Д. Левитов, М.М. Рубинштейн, А.А. Смирнов и другие советские психологи указывали на наличие потребности в уединении у юношей и рассматривали отдельные параметры этого явления с точки зрения становления личности молодого человека. (Необходимо подчеркнуть, что все исследователи указывали на недопустимость смешения понятий «уединение» и «одиночество».)

Сегодня важность исследования потребности в уединении в ранней юности определяется, с одной стороны, необходимостью всестороннего анализа социальных и индивидуальных проявлений личности, а с другой — необходимостью учитывать наличие феномена уединения в практике воспитательной работы.

Исходя из этого, мы поставили перед собой задачу — охарактеризовать некоторые стороны потребности в уединении в раннем юношеском возрасте, основываясь на многолетних исследованиях старшеклассников.

В общем виде потребность в уединении можно рассматривать как одно из проявлений в ранней юности общесоциологического закона диалектического единства общения и обособления личности в обществе. В ранней юности этот закон действует в соответствии с рядом психологических особенностей возраста (становление самосознания личности, самоопределение и потребность в социальном самоутверждении).

Потребность в обособлении, которая довольно ярко проявляется в ранней юности, находит своё конкретное выражение как в общении, так и в уединении.

Обособление в процессе общения имеет первостепенное значение, и проявляется в основном в общении (на что указывал К. Маркс). Общаясь с людьми, юноша начинает ощущать потребность в нахождении своей индивидуальной позиции и их среде (то есть в обособлении). Но осмысление этой потребности, осмысление путей её удовлетворения, очевидно, возможно лишь в уединении.

Потребность в уединении можно рассматривать как отражение определённой стадии развития личности, а реализацию этой потребности — как одно из условий её развития.

Способы удовлетворения потребности в уединении довольно многообразны. В общем виде их можно разбить на две большие группы, условно названные предметным уединением и (как это ни парадоксально звучит) коммуникативным уединением.

Предметное уединение конкретно проявляется как занятие любимым делом в одиночестве (выпиливание, радиомонтаж и т.д.), чтение книги и пр. Этот вид уединения доминирует в подростковом возрасте, присутствует в ранней юности и довольно типичен в зрелом возрасте.

Коммуникативное уединение появляется в старшем подростковом возрасте, типично в юности, присутствует в зрелом возрасте и доминирует в старости. Его варианты:

- уединение, когда нет желания общаться с возможными партнёрами, даже если в их число входят все знакомые, а есть стремление общаться с неким воображаемым идеальным партнёром;
- уединение, когда есть желание быть наедине с собой;
- уходя от людей;
- оставаясь среди них;
- делая дневниковые записи.

Потребность в уединении социальна по своему содержанию (и в норме не имеет ничего общего с проявлением индивидуализма), что вытекает из тех функций, которые присущи уединению как феномену социальной жизни человека в ранней юности. Рассмотрим некоторые из них (обозначив каждую из них весьма условным термином):

- Когнитивная функция. На наш взгляд, она не требует особых комментариев, ибо практически эффективное познание исключено, если личность не имеет возможности или потребности уединиться на тот или иной отрезок времени.

- Рефлексивная функция. Как известно, в ранней юности в особую сферу интересов личности выделяются психическое «я» и социальное «я». Проблема самопознания становится в этом возрасте одной из важнейших. Безусловно необходимым условием решения этой проблемы является наличие разветвлённой сети социальных контактов. Но самопознание невозможно без осмысления мира и себя наедине с собой. Поэтому рефлексивная функция уединения — это путь юноши к миру и к себе в нём. В связи с этим на весьма интересные аналогии наводит тот факт, что некоторые племена включали в обряд инициации длительное одиночество.

- Продуктивно-репродуктивная функция. Здесь уместно сослаться на мнение Бертрана Рассела, который подчёркивал плодотворность уединения, отмечая, что без способности к умственному одиночеству было бы невозможно ни одно из творений человеческого гения. Очевидно, что и в ранней юности уединение — возможность проявления творческих потенций личности.

- Адаптивно-регулятивная функция. Восприятие юноши окружающими и восприятие им самого себя, а также восприятие явлений действительности им и его партнёрами по общению могут значительно различаться (особенно это типично при вхождении юноши в новую группу членства), ибо разница в видении одного и того же явления разными людьми объясняется зависимостью от прошлого опыта личности. В уединении юноша имеет возможность осмыслить это различие, осознать разницу своих норм восприятия, оценки и поведения и соответствующих норм различных групп, в которые он входил и входит, и выработать определённые программы поведения, позволяющие ему оптимальным способом контактировать со средой.

Другой аспект этой функции уединения — это адаптация юноши к тем объективным и субъективным изменениям, которые происходят с ним самим, и выработка нового видения самого себя, новой самооценки и т.д.

- Компенсаторная функция. В уединении юноша имеет возможность «компенсировать» те дефициты, которые он испытывает в реальной жизни: отсутствие признания товарищами, неумение добиться каких-то целей, невозможность реализации сексуальных устремлений и т.д.
- Футурологическая функция. Её суть состоит в выработке определённых планов на будущее и в определении путей их реализации, что, безусловно, в основном происходит в уединении.

Уединение в ранней юности имеет коренное отличие от уединения взрослых. Взрослые, оставаясь наедине с собой, как бы сбрасывают груз тех ролей, которые они играют в жизни, и, как им по крайней мере кажется, становятся «самими собой». Юноши же, наоборот, лишь в уединении и могут проигрывать те многочисленные роли и представлять себя в тех образах, которые им наиболее импонируют. Это «проигрывание» ролей имеет две основные формы: игры-грёзы (А.Н. Леонтьев) и мечта (попутно заметим, что через них-то в основном и реализуются рассмотренные выше функции уединения).

Игры-грёзы впервые появляются уже в дошкольном детстве, они свойственны и подросткам. В любом возрасте в подобной игре идёт проигрывание недоступных в реальной актуальной действительности ролей. На ранних возрастных этапах это проигрывание, как правило, сугубо инструментально и событийно. В ранней же юности оно в полной мере рефлексивно и социально.

«Юношеская мечта» — важнейший механизм формирования ценностных ориентаций личности. Она создаёт многочисленные «проективные ситуации», в которых человек вырабатывает своё отношение к самым различным жизненным фактам и явлениям. Лишь на этой основе происходит дифференциация внешних объектов, то есть возникает призвание к определённому виду труда, любовь к конкретной девушке (а не к образу женственности вообще), складывается определённый стиль жизни и поведения (И.С. Кон).

Мечты в уединении не противопоставляются обычной жизни как другая возможная жизнь. Мечта в уединении — именно возможность совсем другой жизни, организованной по другим законам. Жизнь, увиденная в мечте, отстраняет обычную жизнь, заставляет понять и оценить её по-новому (в свете увиденной иной возможности). И юноша в мечте становится другим человеком, раскрывает в себе новые возможности (и худшие, и лучшие), испытывается и проверяется мечтой.

Появление в ранней юности потребности в уединении объективно и закономерно. Совершенно очевидно, что потребность в общении у юношей не может быть безграничной. Всякая потребность вызывает деятельность, цель которой — удовлетворить имеющуюся потребность. Удовлетворение приводит к выключению потребности, насыщению. Видимо, у каждого индивида существует своя норма общения и, следовательно, индивидуальная норма уединения. Эта норма определяется, очевидно, как социальными условиями формирования конкретной личности, так и её физиологическими и характерологическими особенностями.

В ранней юности наличие потребности в уединении — норма. Отсутствие этой потребности свидетельствует о том, что личность развивается недостаточно интенсивно для своего возраста. С другой стороны, доминирование потребности в уединении над потребностью в общении в ранней юности — признак явно тревожный.

В ранней юности норма общения и уединения в зависимости от степени интраэкстравертированности личности не образует континуума. Это связано с тем, что в этом возрасте интра- и экстравертированность сами по себе образуют не континуум, а, скорее, замкнутую кривую, ибо чаще всего крайний интраверт одновременно является крайним экстравертом, что вполне объясняется психологическими особенностями раннего юношеского возраста.

1974